

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ФИЛОСОФСКИХ НАУК Б.М. ФИРСОВЫМ

Вопрос: Наш журнал с первого своего номера интересуется становлением социологии в нашей стране в последние сорок лет сквозь призму биографий непосредственных участников этого процесса. Поэтому мы обращаемся к Вам. Полагаю, что некоторые факты Вашей научной деятельности известны, но, тем не менее, полная картина была бы интересной нашим читателям.

Ответ: Самопредставление никогда не бывает легким, и я мог бы ограничиться послужным списком. Но все же постараюсь выделить наиболее значимые события жизненного пути. Родился в 1929 г. в Ростовской области и спустя шесть лет вместе с родителями переехал в Ленинград. Рано лишился отца. Его арестовали в 1938 г. по подозрению в том, что, попав в плен к белым во время гражданской войны на Северном Кавказе, он якобы выдал своих товарищей по краснодарскому коммунистическому подполью. Случай, редкостный для сталинских времен, — отца вскоре выпустили из тюрьмы за недоказанностью состава преступления. Семье это радости не принесло. Отец вышел из тюрьмы со следами побоев и скоротечным туберкулезом, от которого и скончался, прожив на свободе немногим более 30 дней. Впоследствии, уже в хрущевскую пору, краевые партийные историки объявили отца героем-подпольщиком. Я так и не смог спросить отца, какое из двух испытаний, выпавших на его долю, было самым тяжелым: пытки белогвардейских следователей, загонявших иголки под ногти, или допросы товарищей по революционной борьбе. Моя мать, подобно родителям большинства моих сверстников, тщательно оберегала меня от страха перед массовыми репрессиями и их неисчислимыми личными и общественными бедствиями. Судьба и смерть отца были окружены тайной, которая была открыта мне только перед поступлением в институт. Мама берегла мою душу, но ценой собственных глубочайших страданий и внутренних переживаний. О них не принято было говорить с ребенком, с другими членами семьи, не говоря уже о более широком окружении. Наверное, и по этой причине я вступил в жизнь, твердо усвоив систему взглядов, которые до определенного исторического момента, казалось, были олицетворением высоких социальных истин.

Благодаря отцу, прошедшему серьезную школу самообразования, я рано научился читать. В школе занимался с интересом, быстро справлялся с домашними заданиями и, едва закончив их, принимался за поглощение книг, большинство которых были получены в подарок от отца. Когда его не стало, книги — лучшие детгизовские издания довоенного времени — покупала мать, отказывая себе во многом ради того, чтобы поставить меня на ноги. Кажется, ей это

Фирсов Борис Максимович (р. 1929) — доктор философских наук, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Адрес: 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 3. Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Тел.: (812) 275-51-37. E-mail: firsov@eu.spb.ru

удалось. Я окончил электрофизический факультет Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) по специальности "электронная оптика", имея весьма ясные представления о своем профессиональном призвании и предназначении в жизни, о важности труда ради общественного блага. Наверное, по этой причине я с увлечением занимался сначала комсомольской, а затем и партийной работой, видя в ней средство для достижения социальных целей, которые я в полной мере разделял. Социальный оптимизм, несомненно, составлял основу моего мироощущения. К тому же он подкреплялся результатами общественной деятельности. В качестве секретаря комитета комсомола ЛЭПИ я приложил немало стараний к тому, чтобы студенческий спектакль «Весна в ЛЭПИ» увидел свет и принес славу институту. Работая секретарем обкома ВЛКСМ, я оказался причастным к успехам и победам ленинградского профессионального и самодеятельного искусства на Международном фестивале в Москве. В тридцать лет, еще не зная сомнений в правильности избранного страной исторического пути, я был избран первым секретарем Дзержинского райкома партии Ленинграда и, кажется, довольно быстро завоевал доверие большого числа людей, пытаюсь, прежде всего, не отрывать слово от дела и не эксплуатировать в личных и прагматических целях возможности партийного руководителя высокого ранга. Я и по сей день живу в квартире, полученной моими родителями в 1935 г. Меньше всего я хотел бы этим подчеркнуть свое бескорыстие. Речь о другом. Родители воспитали во мне комплекс моральных правил. Им я всю жизнь старался следовать, стремясь завоевать уважение к себе со стороны других людей. Достигнутая гармония отношений с внешним миром сохранялась, пока мои поступки не вступили в противоречие с нормативными предписаниями партийно-государственной Системы.

Первое столкновение имело место в 1961 г. Опуская подробности, скажу, что я отказался от работы в аппарате ЦК КПСС и, видимо, от многообещающей карьеры. Отказ был осознанным. Я считал работу в партийном аппарате важной, но таящей в себе угрозу профессиональной дисквалификации. Для меня в этот момент было более предпочтительным возвращение в аспирантуру для закрепления знаний, полученных в институте. Отстаивая свое право на выбор жизненного пути, я заявил, что аппаратная работа, в отличие от выборной, мне лично не кажется привлекательной, поскольку она лишает человека самостоятельности. Партийный чиновник очень высокого уровня, которому было поручено решить мою судьбу, позволил мне выговориться и даже пожелал успехов на инженерном поприще. Но едва за мной захлопнулась дверь кабинета, как собеседник позвонил в Ленинградский обком КПСС и предложил немедленно снять меня с работы ввиду моей политической незрелости. Обкому удалось отложить немедленное исполнение «приговора» ровно на один год со ссылками на мой авторитет среди коммунистов и трудящихся района. По мере приближения согласованной с ЦК КПСС даты освобождения меня от работы секретарем райкома КПСС мне предлагалось занять должность директора Кировского театра, подумать о переходе в административные органы и стать одним из руководителей областного управления внутренних дел. Затем предложили отправиться на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС и после окончания учебы занять должность секретаря обкома КПСС по пропаганде. Я не принимал этих предложений, искренне считая себя не подготовленным для

работы в новых для меня областях деятельности. Но всему приходит конец. Ровно за сутки до истечения года (будем считать эту пунктуальность случайностью) бюро обкома КПСС назначило меня директором Ленинградской студии телевидения. Обо всей этой закулисной стороне дела я узнал не сразу и потому с опозданием начал осознавать всевластный характер партийной системы и принятым ею негласный кодекс служебного поведения.

Телевизионный период моей деятельности оказался более полезным с точки зрения жизненных уроков. Работа меня увлекла, телевидение бурно развивалось, открылась вторая, а затем и третья (учебная) программа, передачи ЛСТ стали заметным явлением в программах Центрального телевидения. На дворе стояла недолгая хрущевская оттепель. Пришедший ей на смену «ледниковым период» знаменовал усиление цензуры, идеологического контроля за работой телевидения. В реальности это означало, что власть сознательно отказалась от идеи превратить средства массовой информации, прежде всего телевидение, в инструмент равноправного политического и культурного диалога с населением страны. Импульс, приданный общественному развитию решениями XX съезда КПСС, не затронул в необходимой степени механизма демократизации. Инициативы, а их было много, быстро стали наказуемыми, творческий риск все чаще подпадал под категорию идеологической диверсии, естественное право на эксперимент сменилось системой наказаний за «проколы». В начале 1966 г. по настоянию Ленинградского обкома я был изгнан из «телевизионного рая» за ослабление контроля за содержанием передач общесоюзной программы телевидения. Превентивные меры, обеспечивавшие послушание создателей телевизионных программ, сейчас могут показаться реликтовыми, но о них следует помнить тем, кто начал свою жизнь в науке, не ведая запретов на свободу выражения мысли. Мой «прокол», как тогда называли служебные проступки, состоял в следующем. Участники вышедшей из-под контроля передачи говорили совсем не о том, что было ими и редакторами заявлено в так называемой микрофонной карточке и прошло предварительную цензуру. В данном случае не имело значения, что фактическое содержание не выходило за рамки дозволенного. Дело в другом — общесоюзный телевизионный эфир в течение полутора часов оставался «открытым» и люди свободно, «не спросив разрешения», говорили на общедоступном человеческом языке о том, что их волновало как законопослушных граждан советского государства. Именно эта неожиданно проклюнувшаяся свобода представляла для власти особую социальную опасность, и потому наказание в назидание всем, кто мог бы позволить себе подобную дерзость, оказалось неотвратимым. Я всю жизнь буду жалеть о принудительном отлучении от телевидения. Меня против моей воли лишили увлекательной работы по перестройке ленинградского телевидения, так сказать, «подстрелили на взлете», нисколько не заботясь о судьбе важного общественного дела, которому мои телевизионные коллеги и я беззаветно служили, пытаюсь преодолеть дефицит человекоцентризма (способность телевизионного канала сосредоточиться на наиболее актуальных интересах аудитории). В ту пору о зрителе говорили очень много, клялись его именем, но мало принимали во внимание его действительные запросы.

Идея человекоцентричности крепко засела в моей голове, и потому, будучи освобожденным от «государевой службы», я решил уйти в очную аспирантуру

философского факультета Ленинградского университета и под научным руководством В. Ядова, с которым меня связывали прочные личные отношения, написать кандидатскую диссертацию, посвященную отношениям телевидения с реальным, а не абстрактным зрителем. Замысел удался. Этому помогла моя первая зарубежная стажировка. В 1967 г. я провел несколько месяцев в Англии в качестве стажера Лондонской школы экономики и политики. Одновременно мне была предоставлена возможность для тщательного ознакомления с деятельностью Би-Би-Си и ее службы изучения радиотелевизионной аудитории, которая и по сей день является одной из самых лучших в мире. Не секрет, что вместе с тогдашним руководством Гостелерадио, которое было вынуждено «сдать» меня обкому КПСС, я не исключал возможности в каком-то обновленном качестве, с новыми знаниями и опытом, вернуться на телевидение. И такая возможность представилась. В конце декабря 1967 г. я получил официальное письмо, в котором мне предлагалось занять должность Генерального директора Советского телевидения (так тогда называли общенациональную телесеть, возникшую на базе построенного тогда телецентра в Останкино). Знакомство с Би-Би-Си не прошло даром и породило множество всяких, увы, фантастических идей относительно того, каким могло бы стать отечественное телевидение. Я принял это предложение и прибыл в Москву. Однако торжественным въезд в Останкинский телецентр на белом коне не состоялся по трагикомической причине. К моменту возвращения стало ясно, что против моего назначения на столь высокий пост возражает все тот же всевластный обком КПСС. Его вето не мог преодолеть аппарат ЦК КПСС. Ввиду явного кризиса принципа демократического централизма я отказался рассматривать комбинации, позволяющие в обход обкома занять телевизионный трон, и уехал в Ленинград дописывать кандидатскую диссертацию. Она была защищена досрочно, в феврале 1969 г., за что я по приказу ректора ЛГУ получил премию в размере месячной аспирантской стипендии, которая составляла тогда за вычетом подоходного налога и налога на бездетность 86 рублей 40 копеек. Вскоре я получил предложение возглавить сектор телевидения во вновь созданном Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Это открыло возможности для научной работы, связанной с изучением современных проблем массовой коммуникации.

Затем последовал период работы в Институте социально-экономических проблем АН СССР, под крышей которого в 1975 г. были собраны разрозненные отряды обществоведов, имевшие статус филиалов и секторов московских научных учреждений. Это время отмечено ренессансом отношений с партией, которая испытывала острый дефицит информации о социальных процессах в стране. Частично этот дефицит покрывался донесениями органов государственной безопасности. Не могу судить о достоверности, глубине и представительности этих сведений, поскольку никто меня с ними не знакомил, но с уверенностью утверждаю, что в середине 1970-х гг. органы безопасности знали существенно больше о положении страны, чем партия и ее комитеты, включая Центральный Комитет. Этот дисбаланс требовалось устранить, равно как и преодолеть возникшую информационную зависимость партии от того, что считали нужным сообщать партийным комитетам органы советской разведки и контрразведки. Ленинградский обком в числе первых вознамерился создать собственную информационную службу, частью которой должна была стать система изучения

общественного мнения. При деятельном участии руководимого мною сектора массовой коммуникации и общественного мнения ИСЭП АН СССР такая система была создана и несколько лет успешно действовала. Я не только сейчас, но и тогда отчетливо осознавал известную ущербность добровольно принятой обязанности развивать научную базу информационной деятельности партийного органа. В этом случае социология принудительно изолировалась от служения целям, более широким, чем цели КПСС. Местные партийные органы ревностно охраняли результаты заказанных ими опросов общественного мнения, которые утаивались не только от народа — полномочного субъекта общественного мнения, но и от ЦК КПСС, к чему мы еще вернемся. В подобных ограничениях угадывался страх системы перед истинной картиной настроений населения. С другой стороны, работа под прикрытием партийного комитета позволяла изучать отражение в массовом сознании проблем тогдашнего советского общества, развивать методику исследований, накапливать опыт обработки и анализа данных об общественном мнении. Предложенная нами система оперативных опросов работающего населения Ленинграда позволяла получать представительные сведения в течение 24 часов с момента начала опроса. Не скрою, что мы тщательно готовились к тому, что рано или поздно появится Общенациональный центр изучения общественного мнения с отделениями на местах и, разумеется, с открытой программой деятельности. Впрочем, надеждам не было суждено сбыться.

Наверное, мы достаточно быстро продвигались вперед, осваивая одну за другой новые задачи теоретического и прикладного характера, связанные с изучением массового сознания, эффективности массовой пропаганды. В итоге, когда было принято решение создать Информационный центр, призванным обслуживать секретариат и политбюро ЦК КПСС, то по указанию общего отдела ЦК КПСС сектор привлекли к проектированию системы машинного анализа писем трудящихся, адресуемых ЦК КПСС. Основная цель системы состояла в изучении содержания писем (проблематика и мотивы обращения к адресату, сведения об авторах обращений). Кроме того, требовалось с помощью вычислительной техники существенно улучшить и регламентировать работу партийного аппарата с этими письмами (рассмотрение писем и составление ответов их авторам, контроль за выполнением соответствующих поручений центральным и местным ведомствам, партийным и государственным чиновникам самого высокого уровня). Задача академических социологов виделась в том, чтобы методически обеспечить функционирование всех звеньев такой системы и сформулировать требования к математической обработке первичной информации. Работа системы была сферой ответственности заказчика, тем более что обработанная информация и аналитические выводы предназначались для узкого круга руководящих лиц и уже поэтому защищались весьма суровыми правилами работы с секретными документами. Мне удалось обойти рифы секретности, предложив в качестве экспериментального полигона для отработки методик машинного анализа писем использовать тексты писем, направленных в Ленинградский обком КПСС. Такое решение устраивало общий отдел ЦК КПСС, но было совершенно неприемлемым для обкома. Я не учел, да и не знал в подробностях, что к тому времени (речь идет о начале 1980-х гг., на которые пришелся пик стагнации) республиканские и областные комитеты партии тщательно скрывали от своего

боевого штаба — Центрального Комитета — сведения о фактическом положении дел на местах. Здесь не меньше, чем на телевидении, боялись «проколов», ибо они разрушали иллюзию всеобщего благополучия, в котором, по мнению партии и ее руководителей, пребывала страна и ее народ. Г. Романов, тогдашний первый секретарь обкома КПСС и член политбюро ЦК КПСС, не отличался способностью к высокому полету мысли. По его мнению, препарированная почта обкома могла представить замечательный город — колыбель революции, авангард технического прогресса, кузницу передового производственного и общественного политического опыта — в невыгодном свете. Во избежание угроз, связанных с утечкой информации наверх, наши социологические изыскания было велено прекратить. В одночасье из сейфов института изъяли архив более чем десятилетних исследований, а их исполнителей лишили пропусков в Смольный и выдворили из рабочего помещения, где они занимались научным трудом во славу и в интересах партийных органов. Каюсь, но я не увидел в этом признаки бессилия и надвигавшейся агонии партии, годы существования которой были сочтены.

Фактические потери от провинциального самодурства Г. Романова были невелики. Руководимый мною сектор прочно занимал одно из лидирующих мест в сфере исследований массовой коммуникации и общественного мнения и имел высокую научную репутацию в стране и за рубежом. Здесь оказалось достаточным отойти, сохраняя равнение в рядах, на заранее укрепленные научные позиции. Несравненно большую опасность для меня и моих коллег по сектору представляло невежество и консерватизм тогдашних руководителей Института социально-экономических проблем. К началу 1984 г. они сумели необоснованно и преднамеренно уволить В. Ядова, начали гонения на А. Алексеева и других сотрудников, вина которых была только в том, что они сохраняли независимость мышления. Вскоре наступил и мой час. В октябре 1984 г. бюро Ленинградского обкома КПСС объявило мне строгий выговор с занесением в учетную карточку за грубые нарушения установленного порядка работы со служебными документами и освободило от должности заведующего сектором. Абсурдность этого обвинения не вызывает сомнений, как, впрочем, и факт непосредственного участия дирекции института и преданной ей группы «волонтеров идеологической инквизиции» в намеренной фальсификации дела. Не стану сейчас приводить аргументы и факты. Рукописи, в том числе и доносы, не горят. Скажу о другом. Ревниво оберегая свое реноме, Г. Романов действовал спонтанно. По всей видимости, его запретительная реакция в описанном случае не зависела от личности нарушителя спокойствия. История же, случившаяся в октябре 1984 г., опиралась на «домашние заготовки», на заранее написанный сценарий, в соответствии с которым мне как основному фигуранту дела, а заодно и моим коллегам, требовалось причинить заранее определенный ущерб. Больше всего пострадали сотрудники сектора. Ведь они не имели никакого отношения к моему «проколу», которого, к тому же, я не совершал. Волевым решением сектор массовой коммуникации и общественного мнения был расформирован. Талантливые ученые, профессионально сложившиеся исследователи — Б. Докторов, В. Сафронов, Н. Нечаева, О. Бурмыкина, А. Корниенко — были этапированы, иначе не скажешь, под конвоем дирекции института в сектор региональных проблем социалистического соревнования (?!). На их прежние научные занятия

наложили секвестр. Идеологические инквизиторы уже не могли в то время подводить людей под репрессии, но они, все еще чувствуя свою безнаказанность, отчаянно боролись за сохранение власти, изощренно унижая при этом достоинство неугодных им людей.

Главному фигуранту разъяснили, что он утратил политическое доверие, без которого ему нельзя работать в таком ответственном идеологическом учреждении, каким является ИСЭП АН СССР. Правда, верный своему принципу всегда проявлять заботу о судьбе коммунистов, пусть даже понесших тяжелое, но справедливое партийное наказание, обком счел возможным направить фигуранта «для прокорма» в ленинградское отделение Института этнографии АН СССР. В отличие от научной каторги, где томились и изнывали мои коллеги и ученики, пятилетняя этнографическая ссылка стала ярким и продуктивным периодом моей жизни. Тогдашний директор ленинградского отделения Института этнографии АН СССР Р. Итс предоставил мне полную свободу самоопределения в новой, точнее, неведомой для меня дотоле научной дисциплине. Это позволило расширить научные познания, преодолеть известную самодостаточность социологического видения мира и даже внести определенный вклад в отечественную этнографию, введя в научный оборот систематизированное описание сведений о быте русских крестьян, собранных в конце прошлого века сотрудниками Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Дальнейшие события моей жизни оказались связанными с созданием и работой в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН (1989–1995 гг.) и Европейском университете в Санкт-Петербурге (с 1995 г. и по настоящее время).

Подробно рассказывая о перипетиях своего жизненного пути, я менее всего хотел бы предстать в виде жертвы безвременья, как иной раз называют советский период. Вне зависимости от того, как мы определим данный отрезок истории страны, я всегда буду считать себя причастным к ней. Отделиться от времени нельзя, да и незачем, если ты не утратил чувства ответственности за историю, совершавшуюся на твоих глазах. К тому же я был и остался человеком действия. Это в полной мере отразилось на моей донаучной биографии и впоследствии повлияло на способ существования в мире науки и образования. Сказанное вовсе не означает, что я пренебрегал теорией, когда утверждал себя в очевидных для всех, материализованных результатах научно-практической деятельности. Но если бы оказалось возможным представить человеческое общество дихотомически разделенным на людей слова и людей дела, меня бы следовало причислить к последним. Лгать я не умел, и потому всегда стремился уйти от тех, кто жил, опираясь на ложь. Другое дело, всегда ли избегание заведомой неправды и обмана происходило осознанно. Здесь часто приходилось включать интуицию. В своих исследованиях советской действительности я никогда не основывался на лжи и выполнил тем самым программу-минимум, направленную на сохранение собственной чести и достоинства. Программа-максимум в этом случае состояла бы в способности встать на путь инакомыслия, но не вместе со всеми, как это и случилось в период перестройки, а вопреки всем, на что в доперестроечную эпоху смогли сподвигнуться лишь единичные представители многочисленной армии советских обществоведов. Ведь не только тогда, но и сейчас слово, «обеспеченное умом, знанием и азартом

посильного противостояния» (М. Чудакова), является счастливым уделом немногих.

Вопрос: Борис Максимович, что бы Вы могли рассказать об истории социологии советского периода в Ленинграде и ее развитии сейчас. Каково Ваше отношение к проблеме институционализации социологии.

Ответ: История социологии советского периода лишена каких бы то ни было тайн, если ее представить как рассказ о развитии отдельных отраслей социологического знания (см.: Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М., 1998). Было бы также полезно представить каждую из названных отраслей с помощью case studies и осуществить разбор наиболее представительных классических работ советского периода (подчеркну, что такие были). Тогда стали бы ясны теоретические предпосылки, методология, техника сбора данных, качество полученных результатов. Идею относительно нетрудно воплотить в жизнь, тем более что и классики, слава богу, здравствуют. Третий вариант мог бы показать процесс восхождения на Голгофу социологического знания в условиях советского государства — раскрыть отношения между социологией и властью, прочертить пути становления теоретико-концептуальных взглядов, выделить этапы развития отечественной социологии в сопоставлении с развитием мировой социологической науки, раскрыть мотивационную сторону советского социологического сообщества, отношения социологии с другими дисциплинами, влияние социологии на жизнь советского социума и т.д. Такой истории пока нет, но именно ее следует адресовать грядущим поколениям. Всякий иной вариант будет лишен смысла для молодых людей, которые никогда не держали в руках советский паспорт. Или, как недавно написал мне в письме Г. Батыгин, редактор «Социологического журнала», социологию необходимо представить не столько как академическую дисциплину, сколько как самосознание эпохи. В центре такого варианта — социальный контекст, антиномии партийно-государственных структур и интеллектуальной мысли. С тех же позиций надо смотреть и на современную (постсоветскую) социологию. Ее роднит с советской социологией невостреманность со стороны власти, ныне уже не тоталитарной, а демократической. Еще одна общая черта, если анализировать состояние науки «изнутри», — наличие дилетантизма, который угрожает развиваться в наследственное заболевание. Как ни странно, но на преодоление этой угрозы не повлияли вполне очевидные шаги в области институционализации социологической науки. Практически все требования академических и вузовских социологов, громкогласно высказанные с перестроечных трибун, в той или иной степени были удовлетворены, но профанация социологического знания с помощью чудовищно безграмотных методик не прекращается. Суррогатами этого знания будут обольванивать электорат во время предстоящих думской и президентской избирательных кампаний. Сомневаюсь, что существуют надежные способы защиты от нелегитимных приемов борьбы за победу на выборах путем подтасовки социологических данных, которая становится новым видом «беловоротничковой преступности».

Вопрос: Интересен вопрос о формировании поля социальных наук и о позициях тех или иных групп и личностей, повлиявших на процесс становления социологии в прошлом и «творящих» социологию сегодня. Что Вы видите общего и различного в расстановке социологических сил тогда и теперь?

Ответ: Здесь не может быть однозначного ответа. Я согласен с И. Голосенко, который в своей исповеди, адресованной читателям вашего журнала, выделил в научной социологической среде цепных псов идеологизированной науки, поклонников идеалов чистой науки и представителей настоящей науки (они, заметим, жили и здравствовали, невзирая на деформирующее влияние внешних обстоятельств). Каждая из названных групп играла по своим правилам, имела свою стратегию выживания в более широком научном окружении и в социуме. Исторически значим и потому должен быть транслирован в будущее опыт настоящих ученых-социологов. К ним в полной мере приложима «формула» М. Чудаковой. В абсолютном измерении — это «генофонд» социологии, который при определенных оговорках может и должен пополняться за счет представителей чистой науки. В условиях современной России предложенная И. Голосенко структура претерпела изменения, появились отряды коммерциализированных социологов. Здесь бы я остановился и уступил слово науковедам и социологам науки. Что позволялось, отвергалось и поощрялось в социологии 15 и более лет назад, хорошо известно. По моим наблюдениям, сейчас позволяется все, отвергается тоже все. Стратегия нематериального поощрения остается латентной, и кажется, что научное сообщество этим мало озабочено. Сейчас никакой «борьбы» нет, взаимные притяжения и отталкивания, если они и имеют место, лишены эмоциональной окраски.

Вопрос: Что бы Вы могли отметить из атмосферы 40-50-60-х гг. в Советском Союзе, Ленинграде, Ленинградском университете? Кто были Вашими кумирами и учителями? Что, на ваш взгляд, утрачено безвозвратно и что необходимо вернуть и сохранить?

Ответ: За тридцать с лишним лет профессиональных занятий социологией мне довелось быть свидетелем того, как в условиях репрессивного времени складывалось социологическое сообщество, а ныне — увидеть его дезинтеграцию, возникшую, кстати сказать, вопреки выстраданным декларациям и гарантиям индивидуальной свободы и научного творчества. Жизнь в социологическом коллективном хозяйстве была далекой от идеала. Однако чувство локтя было и в сложных ситуациях помогало преодолевать невзгоды. Последовавшее затем вынужденное переселение на социологические хутора хотя и открывало путь к проявлениям личной инициативы, но обернулось утратой атмосферы профессиональной сплоченности, лучше сказать — солидарности и единства. Удастся ли восстановить утраченное — покажет время. Здесь многое зависит от молодого поколения социологов: пожелают ли они вступить в равноправный диалог с учеными средних и старших поколений или «капсулируются», торопливо провозгласив себя представителями «третьей волны» отечественной социологии. Моими учителями, которые помогли мне преодолеть трудности запоздалого прихода в социологическую науку, дефицит необходимых познаний и отсутствие исследовательского опыта, являются В. Ядов, И. Кон и В. Шубкин. За эти годы мы стали очень близкими друзьями. Но учитель — явление пожизненное. Роль великовозрастного ученика меня в этом случае несколько не смущает.

Моему сравнительно скорому профессиональному становлению помогли еще два человека. Х. Химмельвейт, автор фундаментальной пионерской книги «Ребенок и телевидение» и профессор Лондонской школы экономики и политики, которая несколько месяцев вводила меня в мир сложных и тонких отношений

телевидения и аудитории (Англия, 1967 г.). Дж. Гэллап-старший, директор Американского института общественного мнения, терпеливо объяснял мне технологии опросов общественного мнения (США, 1977 г.).

Вопрос: Последние десять лет ознаменовались радикальными изменениями в нашей стране. Как это отразилось на состоянии России? Что Вы могли бы сказать в конце нашего «нервного» столетия о прошлом и настоящем нашего отечества.

Ответ: Отношение весьма сложное. Я считаю историческим подвигом народа бескровный демонтаж социалистической системы, в результате которого эти перемены стали возможны. Другое дело — это система экономических и политических отношений, которую мы получили взамен того, что было. Кажется, что мы живем в демократических и рыночных временках, настолько хрупким, неустойчивым и, не побоюсь этого слова, все еще бедственным является нынешнее бытие народа. Колючие ветры затянувшейся общественной непогоды и иные катаклизмы, имеющие место в окружающей социальной среде, нашей второй природе, лишь усиливают дискомфорт нынешнего коллективного и индивидуального бытия. Оттого многих людей одолевает ностальгия по теплу и сытости коммунальной жизни в отринутую эпоху. Таков экзистенциальный срез. Его не должна отвергать «понимающая» социология.

Однако самым важным для меня является культурным срез. Историками советского общества замечено, что идеология, так прочно укорененная в текстах широко понимаемой советской культуры, осуществляла одну важную функцию — инфантилизацию советских граждан. В итоге планка требований к социальным качествам людей оказалась заниженной. В то же время от их социальных свойств в полной мере зависит судьба любого общества. Эту мысль еще в двадцатые годы выразил выдающийся русский социолог П. А. Сорокин в своей работе «Современное состояние России». Позволю себе две цитаты оттуда: «Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим вы не создадите из нее прекрасного общества. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития» (см.: Новым мир. 1992. №4. С. 188). Так вот, инфантильные люди и культура, поддерживающая этой инфантилизм, до сей поры не имеют адекватных реакций еще на одну закономерность. Сорокин открыл закон социального иллюзионизма, согласно которому крупные общественные сдвиги начинаются и идут под знаменем притягательных лозунгов «царства Божия на земле», «братства равенства и свободы». В момент начала великих преобразований большинство людей, так или иначе участвующих в движениях, верят в то, что движения приведут, наконец, к осуществлению великих идеалов, хотя в конечном счете ни одно из этих движений не смогло осуществить «выставленных идеалов». Вспоминая грандиозные и вдохновлявшие нас лозунги периода перестройки, полезно напомнить все, что пророчески писал первым социолог России про лозунги революции 1917 г.: «Из одного края великой земли русской до другого пронеслись они, заражали миллионы, зажигали их огнем энтузиазма и фанатизма, будили и опьяняли их и возбуждали великую веру к себе и в себя. Казалось, великий час пробил. Вечно жданное наступает, мир обновляется и "синяя птица" всех этих ценностей в руках.... Ис-

тория еще раз обманула верующих иллюзионистов. Поистине "слепые вели слепых, и все упали в яму"» (см.: Там же. С. 193). Правда, в своих комментариях Сорокин заметит, что свой закон он связывает с кровавыми революциями, а бескровные революции могут иметь иную перспективу. Культурный фактор здесь особенно важен. Культура должна справляться с процессами общественной трансформации. Ее терпимость по отношению к изменениям «нервного века», равно как и сохранение традиций и опыта предшествующих поколений, должны быть гармоничными ее сторонами.

Вопрос: В каких направлениях социологических исследований Вы участвовали? Были ли официально признаны результаты ваших исследований?

Ответ: Так уж получилось, что каждый период моей социологической биографии имеет исследовательский акцент. Начал я с изучения места телевидения в советском обществе, что впоследствии вывело меня на путь анализа процессов массовой коммуникации в условиях различных социальных систем. Этому была посвящена моя докторская диссертация, которую я защитил в 1979 г., будучи ранее поощрен стипендией ЮНЕСКО для работы в штаб-квартире ЮНЕСКО, научных учреждениях и университетах Франции (1972 г.), а также стажировкой при исследовательском институте Японской радиовещательной корпорации Эн-Эйч-Кей (1978 г.). Сравнительные исследования коммуникационных процессов были положены в основу нескольких международных проектов, руководителем которых я являлся в конце 1970-х-начале 1980-х гг. Сотрудничали мы с социологами Венгрии и Финляндии. В конце 1980-х-начале 1990-х гг. в кооперации с эстонскими социологами с интересом изучал массовое экологическое сознание. Своеобразным научным синтезом всего ранее сделанного мною был коллективный проект «Качество населения Санкт-Петербурга», поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом в 1993–1996 гг. Этим было положено начало новому направлению фундаментальных исследований — комплексному изучению человеческих ресурсов и человеческого потенциала.

Вопрос: Социологическое образование является ключевым направлением развития социологии. Как Вы оцениваете подготовку по социологии в Петербурге и в России. Преподавали ли сами социальные науки в вузах?

Ответ: Опыт преподавания социальных наук более чем скромный. В 70-е годы я пять лет подряд вел курс методологии и методики социологических исследований в одном из вузов Ленинграда, в 1993–1994 учебном году я в качестве *visiting professor* читал лекции о советской (российской) системе средств массовой коммуникации для студентов-журналистов Ганноверского университета. Не скажу, что преподавательская работа очень меня увлекала. Склонность к научным исследованиям я сохранил и по сей день. Правда, социологическое образование всегда считал важным уже хотя бы потому, что самоучкой вступил на путь социолога-исследователя. Более чем тридцатилетний опыт «догоняющего саморазвития» может что-то значить, но лучше начинать социологическую карьеру раньше, в пору молодости, и не жалеть времени на мировоззренческие дисциплины, языки, гуманитарное знание, умение излагать научные факты языком, понятным не только профессиональному клану, но и непосвященным в научные таинства согражданам. Отсутствие большого числа ярких личностей среди молодых социологов, окончивших университеты, заставило меня

задуматься над системой подготовки новых поколений научной элиты. И сегодня процесс старения научной (преподавательской) среды происходит скорее, чем ее пополнение новыми научными дарованиями. Отсюда и неотложность перестройки послевузовского образования.

Вопрос: Каково Ваше отношение к возможностям, предоставленным эрой М. С. Горбачева и постсоветским периодом? Занимались ли помимо академических дел публичными и политическими вопросами в период перестройки и последовавших затем реформ?

Ответ: Эра Горбачева, если так угодно называть перестроечное время, дала мне возможность вернуться из этнографической ссылки в профессиональную социологию. К тому времени я преодолел, едва ли не полностью, интеллигентский синдром (извечное стремление к добровольной роли наставника, поводыря «незрелого народа», учителя жизни) и пришел к выводу, что пора становится на позиции независимого интеллектуала. Отсюда кажется вполне понятной концентрация внутренних усилий на академических делах и полная атрофия желания заниматься политическими вопросами. В результате такой конверсии я несколько не утратил гражданских чувств, иначе не смог бы вложить много стараний и усилий в создание Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Индивидуальная ответственность, путь к которой открыло горбачевское и послегорбачевское время, показалась мне привлекательнее, чем постоянные муки от душевных испытаний в предощущении надвигающегося заката традиционной модели русской интеллигенции. По этой причине, едва представилась возможность, я снял с себя полномочия директора филиала института. Меня увлекла идея организации негосударственного университета как сферы для серьезных интеллектуальных занятий и полноценного (подчеркну — независимого) существования.

Вопрос: Могли бы Вы, подводя итоги этого периода, оценить свои достижения на поприще социологии? Что было предметом Вашего особого внимания: разработка новой проблематики или апробация каких-либо идей в социологии, включая социологическое образование? Что удалось и что не удалось?

Политические и культурные условия чрезвычайно важны для публичного деятеля, каким является ученый в области общественных наук. Насколько влияли на характер и интенсивность Вашей деятельности в академическом институте политические и идеологические требования со стороны партийно-государственных органов?

Этот вопрос тесно связан с проблемой мотивации преподавательского и научного труда, его продуктивности. Какие из своих научных и педагогических достижений Вы считаете наиболее значимыми, этапными в своем творчестве? Что, на Ваш взгляд, более всего стимулировало творческую активность: мотив познания, жажда успеха, стремление к власти в академическом поле или другие факторы?

Ответ: Тему достижений я предпочел бы отложить и отдать на откуп профессиональному окружению. Могу лишь заметить, что в силу разных причин мой потенциал часто оказывался невостребованным. Впрочем, это было типичным явлением для академической среды в последнее десятилетие, предшествовавшее началу перестройки, когда более всего в научном сотруднике, зачисленном на государственный кошт, ценилось послушание и способность к воспева-

нию советской действительности. Все официальные институты общества (наука не была здесь исключением из правила) обязаны были нести почетный караул у знамен развитого социализма. Сей караул был снят только в августе 1991 г. А до той поры ни «караульные начальники», ни «разводящие», ни «часовые» не решались признаться даже самим себе, что дальнейшее несение караула лишено исторической перспективы. Но, кажется, об этом мы уже говорили.

Моя исследовательская деятельность (о преподавательской деятельности сказать могу мало, настолько малозаметной она мне кажется) была связана всегда с разработкой новой проблематики, постановкой, прежде всего, актуальных вопросов научного знания, призванного обслуживать интересы практики. Пришел я в науку поздно, но поставил перед собой цель добиться успеха и занять свое место в профессиональном сообществе. Вряд ли эти цели можно соотносить с карьерными устремлениями или борьбой за власть. Главной была забота о качестве научного труда, нетерпимое отношение к суррогатам научной продукции и имитации научной деятельности. Мотивацию моего собственного научного труда, которой вы интересуетесь, я связываю с исполнением научного долга. Бытие в науке это, прежде всего, этическое решение. Отсюда мне кажется трюизмом как-то особо выделять мотив познания. Он имманентен профессиональному научному труду. Этики науки утверждают, что этическая компонента научного мышления помогает связывать действия с результатом.

Вопрос: Филиал Института социологии в Санкт-Петербурге был учрежден в 1989 г. Вы были его первым директором. В чем состояла стратегия развития социологии в рамках академической науки? Каковы сегодня материально-технические и организационные условия его функционирования? Как Вы оцениваете достижения института, есть ли у него перспективы и с чем они связаны? Существует ли какая-либо продуманная стратегия развития Института социологии РАН?

Ответ: Эта стратегия в конце 1980-х гг. состояла в том, чтобы придать социологии статус полноценной научной дисциплины. Ведь даже в период хрущевской оттепели, когда казалось, что социологическое солнце встает над страной, понятие «социология» по инерции сталинской эпохи привычно и устойчиво связывалось идеологами партии с понятием «буржуазная наука». Отсюда не буржуазным считалось лишь изучение относительно ограниченного круга общественных явлений с помощью количественных методов, вернее той их части, которая получала сертификат социальной благонадежности. В эту своеобразную «резервацию» и поместили науку «социологию», но под вымышленным именем «конкретные социальные исследования». Узаконение нового имени «социологические исследования» не привело к ощутимым изменениям статуса многострадальной науки. В доперестроечные годы ее радикальная институционализация была делом неосуществимым. Не говоря уже о том, что весь теоретический и методологический аппарат социологии находился в официальном плену у догм исторического материализма. Удаление от советизированного Маркса считалось побегом из колонны, шагающей в ногу по направлению к намеченной цели. За попытку побега полагалось наказание. Раскрепощение социологии было девизом организации и реорганизации профессиональной социологической деятельности в условиях перестройки. В итоге филиал был наделен вполне определенным статусом научного учреждения системы Академии

наук, получил право на ученый совет, аспирантуру, издательскую деятельность, установление международных связей. Наличие головной организации — Института социологии РАН — никак не повлияло и, более того, стимулировало свободу научного творчества. Программа исследований стала результатом сложения научных интересов ученых, пришедших в филиал. Я сознательно пошел на такую стратегию. Она была предложена не от переизбытка либерализма. Искусственным способам создания филиала я предпочел естественный путь, движение от достигнутого, от того, что знали, умели и хотели делать мои коллеги. Полагаю, что право на самоопределение в данном случае было выстрадано ими за годы принуждения к официальной тематике и воспитательному режиму существования в науке. Плохо или хорошо, но вера в результативность коллективных порывов и прорывов была утрачена, а работа на единый наряд основательно дискредитирована. При всех преимуществах согласованного коллективного действия, оно накладывало ограничения на плюрализм научного поведения и мышления и мешало индивидуальному самоопределению в научной сфере. Сверх того, я считал утратившими силу и легитимность методы перековки научных сотрудников. В любом случае наставления на путь истинный следовало исключить из сферы административного распорядительства филиалом. Я все больше и больше приходил к выводу, что хозяином своей судьбы должен быть сам научный сотрудник, а не прогрессивно настроенный, живущий интересами научной массы руководитель. Была ли такая позиция оправданной, судить, в конечном счете, не мне. Но переломить себя я не смог.

Считаю, что в итоге мне удалось помочь становлению филиала, который теперь является неотъемлемой частью российской социологии и важным элементом Санкт-Петербургской науки. Его перспективы я вижу в сохранении и развитии тех научных направлений, которые придали его лицу необщее выражение. Настало время конвертировать филиал в самостоятельный академический институт. Утверждаю, что особенности социологического мышления, взгляды на социальную жизнь, интерес к социально-культурным изменениям, историческая динамика культуры, подходы к анализу современного состояния России — весьма близки к парадигматике П. Сорокина и многим идеям, составляющим его научное наследие. Потому горячо поддерживаю точку зрения моих коллег, что следование традициям Питирима Сорокина, своеобразный «римейк» его наиболее важных работ может принести этому институту не только всероссийскую славу, но и мировую известность. С такой идеей не стыдно вступать в новое тысячелетие.

Вопрос: Существует ли связь между институтами РАН и университетами? Сейчас постоянно возникают новые учебные заведения, частные и государственные, и обучение социальным наукам проводится почти повсеместно. В Европейском университете в Санкт-Петербурге есть факультет социологии и политологии. Каковы его задачи и в чем его специфика на фоне многочисленных факультетов социологии? Как Вы можете оценить взаимоотношения между исследованиями и образованием в социологических науках?

Ответ: Начнем по порядку. Да, теперь эта связь существует, но для этого пришлось разломать «берлинскую стену» между миром высшего образования и миром науки. Жалею, что при создании филиала, то есть еще 10 лет назад, я не нашел общего языка с факультетом социологии Санкт-Петербургского уни-

верситета. Сожалею, что тогда декан факультета настороженно относился к вновь возникшему научному учреждению, а директор-организатор филиала Института социологии не понимал до конца изначальную важность союза науки и образования. Тому, что происходит ныне в отношениях двух субъектов научно-образовательной деятельности, я могу только радоваться.

Совсем иная мотивация лежит в основе появления Европейского университета в Санкт-Петербурге. Миссия ЕУСПб — поиск и активная поддержка будущих научных лидеров, которым предстоит жить и работать в XXI веке и взять на себя ответственность за преодоление доставшегося им в наследство глубокого кризиса российской науки и образования. Другими словами, это попытка заняться подготовкой научной и культурной элиты. Под элитой в данном случае я понимаю ученых и профессиональных специалистов, отличающихся высокими творческими достижениями и обладающих глубокими знаниями, исследовательским и экзистенциальным опытом для того, чтобы выступить в роли наставников следующих за ними поколений молодежи. В рабочем смысле это попытка реформировать аспирантуру в сфере гуманитарных и социальных наук, которую до сей поры не затронули перестроечные веяния. Деятельность ЕУСПб не является провозглашенной альтернативой нынешнему вузовскому постдипломному образованию. Видовое разнообразие является основой развития растительного и животного мира. Полагаю, что этот закон живой природы может быть перенесен в контекст социальной жизни. Вопрос, таким образом, состоит не в том, зачем нужен ЕУСПб, когда один за другим открываются обществоведческие факультеты, а в том, существует ли потребность в модели и условиях обучения аспирантов, предложенных создателями ЕУСПб. Отвечаю со всей определенностью — такая потребность существует. На пятьдесят мест (прием 1999 г., четвертым по счету) на факультеты истории, экономики, этнологии, политических наук и социологии было подано свыше 230 заявлений. Мы учим аспирантов в большей степени, чем это принято до сей поры в высшей школе и в учреждениях РАН, мы создаем им условия для научной работы и современного информационного обеспечения, мы прививаем им навыки самофинансирования научной деятельности, и все это приносит свои плоды. Пока дерево плодоносит, его не вырубят ни один разумно мыслящий садовник. Кстати, вся мировая система высшего образования совершает эволюцию в сторону инновативных форм постдипломного высшего образования, а ускоренное воспроизводство научной элиты включается все чаще в список приоритетных национальных целей. Бакалавр в XXI веке будет таким же ординарным явлением, как человек со средним образованием в уходящем столетии, но это только повысит спрос и цену на научный талант и преподавательский дар. Может быть, стоит предвосхитить это время путем осуществления серии натуральных многолетних экспериментов, выполненных на основе различающихся образовательных технологий?

Вопрос: Для ученого в сфере социальных наук важна методологическая позиция и пристрастия. Каково Ваше отношение к современным социологическим теориям и подходам и Ваше научное кредо? Какие теоретические принципы в социологии и в целом в социальных науках Вы разделяете в настоящее время? Какие социологические проблемы и темы привлекают Ваше внимание сейчас, в конце 90-х годов уходящего тысячелетия?

Ответ: Мой ответ, возможно, покажется странным. Современных социологических теорий и подходов всегда было очень много. Не могу пожаловаться на то, что я не имел возможности познакомиться с ними в процессе социологической деятельности. Вопрос применения той или иной теории давно связываю с задачами и предметной сферой исследования. Так было в пору увлекательных занятий массовой коммуникацией, когда мне удавалось держать руку на пульсе мировых достижений в этой области социологического познания. Так было и в других случаях, на которые я ссылаюсь. Правда, начинал я всегда с того, что сделали мои отечественные предшественники и коллеги. Где-то в середине своей научной карьеры почувствовал особый интерес к междисциплинарным подходам без попыток покинуть орбиты социологического знания. Занятия этнографией сильно стимулировали интерес к истории, ведь недаром большинство «остепененных» этнографов и этнологов являются кандидатами и докторами исторических наук. Порой погружение в историю было настолько глубоким, что угасал интерес к современности (но это, скорее, от неопытности в обращении с инструментами исторического исследования). Изучая качество населения Санкт-Петербурга, я понял, сколь опасна самодостаточность социологического объяснения, которое хотя и позволяет выявить проблему, но придать ей рельефность оказывается бессильным. Одновременно сильно начал мешать преднамеренный операционализм, суровую школу которого я многократно проходил, начиная с конца 1960-х гг. На сегодня внутреннее доверие к количественным методам сохраняется, однако качественные методы кажутся более привлекательными. К тому же, как это не раз замечено в апологиях качественных методов, количественная социология предложит результаты измерений, выраженные на искусственных (формализованных) языках, а качественная — результаты наблюдений, записанных с помощью естественного языка. При этом одна часть социологов, пытаясь достичь убедительности, будет стремиться войти в жизненные миры индивидов, а другая часть постарается обойтись без этого, считая себя прикрытой броней из чисел и потому неуязвимой. В итоге возникнет противостояние числа («позитивной науки») и естественного языка (актора). Кажется, что качественные методы ближе к дыханию жизни социума, к возможности понять его настроение, структуры и особенности повседневной деятельности индивидов. Историческое время, которое лишало людей права на сомнения, уходит, и наблюдаемая девальвация безошибочных конструкций реальности, которые предлагают позитивисты, кажется явлением закономерным. Вот так с опозданием я для себя восстановил в правах доверие к понимающей социологии. Меня не смущает, что за этим стоит размывание жанра социального мышления, подмеченное наблюдательным американским антропологом Гирцем (Geertz). Сценарии иных обществоведческих работ, по его же наблюдению, используют законы театральной драматургии, представляя жизнь социума как драму характеров в определенных социальных обстоятельствах. Я бы счел полезными для науки эти сценарии, если они сближают социологический дискурс с ментальностью широких кругов.

Вопрос: В каком направлении, с Вашей точки зрения, развивается современная российская социология?

Ответ: Таких направлений несколько. Первое — восстановление истинных границ территории социологического знания путем мирных переговоров со

смежными науками, которые вынужденно принимали на себя функции социологии в период, когда социология считалась несуществующей. Второе — неуклонное обогащение методического арсенала науки. Третье — динамичное расширение предметной сферы социологического анализа до пределов, охватывающих вселенную жизнедеятельности социума. Четвертое — встраивание в систему современных социологических теорий и обеспечение доступа к мировому социологическому знанию. Стопроцентно соглашусь с Т. Шаниным, который все это назвал моделью «расширяющегося потока».

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о Ваших личных намерениях и целях. Каковы Ваши исследовательские планы? Что уже осуществлено, что предстоит сделать?

Ответ: Одни цели и намерения концентрируются так или иначе вокруг стремления добиться устойчивого развития Европейского университета в Санкт-Петербурге. Смею надеяться, что это еще какое-то время будет оставаться главным делом моей жизни. Я считаю роль администратора, организатора научно-образовательной деятельности крайне важной, хотя некоторые мои достойные коллеги согласились бы пребывать в этой роли только под общим наркозом. Я их не осуждаю, хотя бы потому, что в их высказываниях сквозит природное остроумие. Хотя я кожей чувствую и не приемлю людей, которые сознательно стоят на обочине, в то время как другие натужно вытаскивают «Студебеккер» из размытой дорожной колеи. Я также надеюсь, что время и обстоятельства позволят мне серьезно заняться научной деятельностью, тем более что надлежащую форму научной активности мне удалось сохранить весь период несения трехлетней бессменной вахты на посту ректора ЕУСПб. Нынешние научные интересы и планы я связываю с исследованиями ментальности и открытием тайн «русскости». Определенно планирую на несколько месяцев оторваться от ректорского кресла и написать книгу об истории советской социологии 1950–1980-х гг. Буду настойчиво искать грант, который бы позволил создать условия для этой чрезвычайно важной работы. Одно из них уже наличествует. Я получил согласие полутора десятков ныне здравствующих отцов-основателей советской социологии помочь мне словом и делом в написании книги. Она предназначается для молодых людей, которые избрали профессию социолога, но не жили в советское время. Неотвратимое прощание с социализмом затягивается, и по этой причине им надо знать, от какого наследства мы и они должны отказаться.

Вопрос: Какие перспективы и трудности, по вашему мнению, ожидают наше общество в ближайшем будущем? Имеете ли вы смелость прогнозировать будущее России в XXI столетии?

Ответ: Трудности эти общеизвестны, жизнь не дает возможности их не чувствовать и переживать с той или иной степенью успешности. Я по натуре оптимистический фаталист и не лишен способности в своих предчувствиях опираться на подтверждаемые историей человечества закономерности. Историк и литератор Я. Гордин недавно напомнил о явлении, которое можно было бы назвать «инстинктом самосохранения больших общностей». В основе этого инстинкта лежит генетическая способность сопротивляться любым попыткам заставить социум двигаться неестественным и потому непривычным путем. Так вот, Россия сохранится и обретет столь необходимое ей социальное здоровье.

Однако выздоровление потребует немалых усилий и времени. Третье поколение, если вести отсчет от моего, в полной мере почувствует выстраданный расцвет страны и ее народа.

Интервью подготовил и провел В. В. Козловский

Список основных научных трудов Б. М. Фирсова

1. Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1972. 190 с.
2. Пути развития средств массовой коммуникации. Л.: Наука, 1977. 188 с.
3. Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции / Под ред. Б. М. Фирсова. Л.: Наука, 1981. 166 с.
4. Массовая коммуникация и охрана окружающей среды / Под ред. М.Лауристин и Б.М.Фирсова. Таллин: Ээсти Раамат, 1987. 296 с.
5. Телевидение и мы: К истории наших отношений // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1989. С. 8–22.
6. Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны / Отв. ред. Б. М. Фирсов; Ин-т социологии АН СССР. М., 1990. Ч. I. 98 с.; Ч. II. 73 с.
7. Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны / Отв. ред. Б. М. Фирсов; Ин-т социологии АН СССР. М., 1991. Ч. I. 80 с.; Ч. II. 90 с.
8. Быт великорусских крестьян-землепашцев (по материалам Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева) / Сост. и авт. вступит, статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б. М. Фирсов и И. Г. Киселева. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994. 480 с.
9. Качество населения Санкт-Петербурга / Отв. ред. Б. М. Фирсов. СПб.: Филиал Ин-та социологии РАН, 1993. 238 с.
11. Как добивались послушания социологии // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 181–189.
12. Качество населения Санкт-Петербурга. II / Отв. ред. Б. М. Фирсов. СПб.: Филиал Ин-та социологии РАН. СПб., 1996. 304 с.
13. Связь времен: Девять сюжетов о прошлом, настоящем и будущем / Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 1997. 104 с.
14. Историческая динамика развития советской и постсоветской культуры // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 70–78.
15. Куда идет Российская культура? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1999.